

Михаил Шолохов:

ПОЛЕМИКА

презумпция виновности?

Вск. - 1996. - 13-19 сент. (№ 36). - С. 7

Весной и летом появилось немало сугубо негативных публикаций о Михаиле Шолохове. Но — удивительно! — лишь одна газета обнародовала приветствие президента России Шолоховским празднествам. Увы, вместо анализа многосложной жизни писателя идут однозначные обвинения.

Валентин ОСИПОВ, писатель

Одна из статей особо выделялась — Н. Кастрикин сообщил: «...Жизнь Шолохова после куйбышевской катастрофы, невзирая на Нобелевскую премию, иначе не назвать, как трагедия профанации» («Лит. Россия», № 18—19). Имелась в виду контузия 1942 года...

НАСЛЕДИЕ

Читаем у Кастрикина: «После рокового января 1942 года Шолохов не написал ничего, достойного пера «Тихого Дона» и первой части «Поднятой целины» (слабой вспышкой тлеющего гения можно считать рассказ «Судьба человека»).

Но где же хотя бы упоминание той методы, которая позволит — надежно! — сопоставлять то, что написано «раньше» с тем, что — «позже»? Размеры ли сочинений? Языковая палитра? База образности-метафоричности? Движение общественных идеалов?.. Беда: обвинения формулируются без предъявления доказательств.

Избираю то, что наиболее подвержено измерениям-сопоставлениям — это общественная значимость произведений. Напомню: и после 1942-го явственны от «Тихого Дона» мотивы, к примеру, сочувствия человеку, которому предопределено пройти через жернова социальных потрясений-катаклизмов.

Рассказ «Наука ненависти». В военной литературе о подвиге и патриотизме это самое, пожалуй, первое произведение, которое рискнуло наметить — без ненависти! с сочувствием! — сюжет судьбы человека, попавшего в плен. Не поддакнул Сталину и его жестокому приказу, что прочно памятен фронтовикам и историкам: плен — это измена, пленного — под смертную казнь, семья — арест (номер 270 от 16 августа 1941 г.).

Вторая книга «Поднятой целины». Тотальное толкование романа взял на себя партагитпроп — гимн-де Сталину на раскулачивание и коллективизацию! Не все согласились. Убеденный антикоммунист-эмигрант В. Максимов, к примеру: «Дай-то, как говорится, Бог большинству нынешних знатоков советской деревни такого знания предмета и такого уровня письма!.. И кто знает, может статься, не в социальных максимам Давыдова и Нагульнова, а в размышлениях Половцева выражена авторская позиция...» И не только — добавлю — Половцева. Напомню одну из сцен, которую — будь моя воля — распечатал бы миллионами листовок.

...Давыдов упрекает одного колхозника за непоспешание и уверен, что нашел доходчивый пример: «Ну, а если, скажем, пожар на хуторе случится, ты с бочкой воды будешь ехать такими позорными темпами?» И пошли выяснять взгляды: «— На пожар таких, как я, с бочками не посылают... — А каких же посылают? — Таких, как ты да Макар Нагульнов...» Начал уточнять: «— Вам с Макаром только воду возить, на лошадях во весь опор скакать, чтобы мыло с них во все стороны шмотьями летело, а тушить будем мы, колхозники...» И ключевая, наставная, давно заповедная для Шолохова мысль: «Мы, народ то есть, живем пока потихоньку, пока шагом живем, нам и надо без лишней суетолики и поспешки дело делать, пожар тушить...»

Рассказ «Судьба человека». Уверен: успех в том числе по той причине, что писатель взял на себя — первым! — политическую смелость освободить победивший народ от такого политического наследия сталинщины, как видеть в пленном политического изгоя.

Для чего же Н. Кастрикин замалчивает все эти явления литературной жизни? Вослед размышлениям о «раннем» и «позднем» идет: «Именно на выразительном контрасте между ними основана львиная доля сомнений в его авторстве». Это, выходит, еще одно обоснование для темы плагиата, но тогда, когда уже откатывается шумно-пенистая волна обвинений. Уточню: не сама по себе, а вытесненная научным опровержением.

СУДЬБА РОМАНА

Читаем: «Рвет или сжигает свои черновики (и даже рукопись романа) в напрасной надежде, что покинувший его талант вернется».

Чем доказывает? Диалогом писателя и его супруги. Она уговаривает не уничтожать некие записи — он: «Нет, плохо». Но скрыта хронология. Так будем знать, что разговор происходит в последние годы жизни — шло к 80-летию, инсульт, рак! А когда «рвет-сжигает»?

...1955 год. Сжег очерк о целине. Но та ли причина, что изложена в гипотезе? Об ином самоличное признание Шолохова: «Ну, куда я теперь с этим, когда кругом фанфары победы, ордена, шумиха?..» Очерк-то задуман не парадно-восхвалительным!

...1968 год. Та же участь и у некоторой части романа «Они сражались за Родину». На этот раз протест-вызов Брежневу, который вычеркнул в рукописи правду-обличения довоенных репрессий.

Скрытие хронологии скрыло от читателей и проявления шолоховского политического протеста, и творческую наисамокритичность даже в глубокой и тяжело-болезненной старости.

ЗАМАЛЧИВАЕМОЕ МУЖЕСТВО

Читаем: «А чего стоят топорные и примитивные, казенные по языку и убогие по мысли высказывания на съездах, на собраниях?»

Что на самом деле? Напоминаю о тех речах, что застенографированы после 1942 года.

— Писательские съезды 1954 года (Алма-Ата, Киев, Москва). Провозглашает необходимость отринуть сталинско-карательные приемы руководства литературой — заявил о праве творца на «дружескую помощь» при «творческой неудаче». Осудил групповщину и такое, как выразился, «бедствие» — «серый поток бесцветной, посредственной литературы».

— Партсъезды 1956-го, 1966-го и 1971 годов. Осуждает неотвратимую обязанность писателя бlosti партдогму — «не отставать от жизни». Обличает административно-командный принцип деятельности Союза писателей. Бичует «властолюбие в писательском деле» (главная мысль: «Союз писателей не воинская часть и уж никак не штрафной батальон...»). Одним из первых в стране заступился за уничтожаемый Байкал. Поддержал В. Овечкина в борьбе за раскрепощение колхозной системы и Л. Леонова — за спасение природы. Предъявил счет тем, кто не обеспечивает развитие бумажной промышленности...

Конечно же, речи Шолохова никак не должны идеализироваться. Однако припоминать только то, что устарело и не прошло проверку временем, — грубая полуправда, которая — мудро говорится — ложь.

ХРОНОГРАФ

Для денационализации народного писателя Н. Кастрикин использует и такой вот набор «фактов»: «Изменение личности и поведения... вымученные подражания... Жить карикатурой... Просто исписался... Бесплодное ожидание... Нелюбимость...» Подытожил: «поздний» Шолохов «вызывает лишь неловкость, досаду, стыд, жалость». Каково!

Что на самом деле? Составил некий свод того, как жил и мыслил писатель-классик — точка отсчета как раз 1942-й. Даже наикраткий (по возможностям газеты) он, уверен, напрочь опровергает «доказательства» деградации-де вешенца. И непреложно, что не «жалеть», а гордиться надо!

— Не оставляет должности военного корреспондента и после тяжелой контузии, не уехал лечиться в Грузию, на чем настаивал Сталин.

— Подписывает «Обращение Всеславянского митинга к угнетенным славянам Европы» и обращается к американцам с требованием открыть второй фронт.

— Не отдал свое перо оголтелому перекваливанию-обожествлению Сталина ни в победном мае 1945-го, ни даже в 70-летие вождя.

— Поддерживает Хрущева в разоблачении Берии, но встает явно презрительно запущенным агитпропом пресловутым ярлыком «шпион», обличал устремленность палача к «диктаторской власти».

— Печатает в 1956-м Открытое письмо писателям мира — призывает способствовать прекращению холодной войны (главная мысль: «У писателей всего мира должен быть свой «круглый стол». У нас могут быть разные взгляды, но нас объединяет одно: стремление быть полезным человеку»).

— Требуем от ЦК — единственным! — обнародовать завещание А. Фадеева; теперь мы знаем, что это документ особой обличительной значимости.

— Отказывает требованиям ЦК писать что-либо для сборника о Хрущеве.

— Обращается к Брежневу с резким письмом в защиту русской культуры.

— Постоянен в порывах вступаться за преследуемых — отважен, как и в 30-е годы! Добился в войну обнародования «Февральского дневника» политически опальной О. Берггольц. Борется за реабилитацию «врагов народа», к примеру, одного из конструкторов «катюши». Не дал осуществиться несправедливости, когда отказывали Л. Леонову в звании академика. Поспособствовал публикации книги одного «безродного космополита». В разгар антипастернаковской истерии потребовал в интервью опубликовать роман «Доктор Живаго». Твардовский отмечал и сочувствие Шолохова заперщенному «Теркину на том свете», и то, что в числе совсем немногих выступил за напечатание «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына...

От народа скрывали постоянное политическое недоверие Шолохову. Зато широкощательно внушалось, что он любимец, — посему ордена, премии, звания. Шли после войны от ЦК и политкупюры, и политкритика («недостатки произведений в описании коммунистов» — всех произведений!), и отказ допустить в архив для сбора материала к военному роману, и осуждение речи на XX пертсъезде писателям мира, заявления о «Докторе Живаго», обращения к Брежневу...

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Читаем: «Боялся, что утрату дара, даже по черновикам или личным общениям, заметят другие».

Что на самом деле? Даже я, не самый близкий Шолохову человек, был с 60-х годов свидетелем немалому числу его встреч с молодыми писателями, с издателями, с иностранными делегациями, журналистами, просто с гостями.

И перед самой кончиной продолжал рассуждать о самом, пожалуй, наболевшем для страны и народа.

— Вот диктует сыну оценки и давней, и продолжающейся истории: откуда истоки жестокости власти, противопоставленности в гражданскую, как стал возможным культ Сталина... Смел, ибо позволил себе тогда напрочь запретные «внеклассовость», «объективизм», «абстрактный гуманизм». Например: «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакосна, что ни победы, ни победителей в ней не бывает...» Или: «Когда там, по вашим учебникам гражданская закончилась? В 20-м? Нет, милый, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думаю, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие — то по команде, что ни команда — то для людей, мягко сказать, обиды...» И разве не прав?!

— Вот в статье за полгода до смерти: «Есть еще охотники разрушить связь времен, забыть о светлых традициях в жизни народов, поручить то доброе, героическое, что накоплено прадедами и отцами, завоевано ими и нами в борьбе за лучшие народные идеалы...»

Выделю: все это задолго до того времени, когда закипели вседозволенные перестроечные страсти!

ЛОЖНЫЙ СЛЕД

Убеден: по ложному следу ведет читателей Н. Кастрикин со своим заголовочным знаменем, на котором слова «тайна» и «трагедия».

Тайна... Это Н. Кастрикин вместе с некоторыми другими ниспровергателями создает ее, ибо скрывают от читателей то, что перестает быть тайной: и новые пласты фактов, что в сущности являют новую биографию, и научные доказательства отсутствия плагиата (труды Г. Хетсо прежде всего).

Трагедия... Она в том, что биографию Шолохова продолжают извращать: агитпроп густо золотил — нынешние политконъюнктуришки многослойно чернят. И слилось в едином порыве. Раньше: и верный, мол, слуга партии и правительству, и в «Тихом Доне» приучали не видеть с превеликим мужеством провозглашенного права человека на свое собственное понимание правды, и упряты в архивы с грифом «сов. секретно» свидетельства отважного сопротивления писателя многим злодеяниям власти (одни письма Сталину чего стоят!)... Нынче: и «Дон» написан не Шолоховым, и верный-де слуга режимов, и вообще ничтожество...

Не втиснуть Шолохова в прокрустово ложе политпристрастий.

Что перевешивает в его биографии длиной почти в 80 лет и определяет в ней стержневое, главное, решающее:

— некоторые в наисложном контексте наисложной советской истории исторические иллюзии и порой торопливое на злобу дня газетное перо?

— на всю жизнь устремленность быть выразителем самых глубинных чаяний народа, пострадавшего в непрерывных экспериментах власти, и заступничество за народ?

Найти ответ нетрудно, если читать «Тихий Дон», перечитать «Поднятую целину», познать «Они сражались за Родину» в отреставрированном виде и прикоснуться к новым фактам биографии...

ЗНАТЬ ВСЕ!

Исповедую: ничего не надо замалчивать в жизни Шолохова.

Не прощено, к примеру, осуждение диссидентов А. Синявского и Ю. Даниэля. Но разве весы справедливости не о двух чашах? Спас Дон от голодомора отчаянно-смелыми письмами Сталину. В новых посланиях обличал кошмары репрессий и требовал освобождения тех, кого заклеили «саботажниками», «троцкистами-бухаринцами», «врагами народа». В этом порыве поднял себя опасно высоко: «Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен... Страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия... Да разве можно было бы года жить под таким чертовым прессом...» Теперь уже известно, что в полемике со Сталиным на XVIII партсъезде защищал интеллигенцию. А его заступничество за сына Ахматовой Л. Гумилева и сына А. Платонова, что были брошены в застенки, за артистку Э. Цесарскую, жену «врага народа», и еще, еще!